

Георги Минчев (София, Болгария)

ОБРАЩЕНИЕ БОЛГАРСКОЙ МЕДИЕВИСТИКИ К СОВРЕМЕННОЙ ЭСТЕТИКЕ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ТЕОРИИ

Красимир Станчев. *Поэтика на старобългарската литература*. Наука и изкуство. С., 1982. 200 с.

До недавнего времени принято было считать, что изучение средневековой болгарской литературы доступно лишь ограниченному кругу специалистов, „посвященных“ в тайны рассеянных по кодексам, частным собраниям и библиотекам памятников. Основанием этого усердно и, может быть, несознательно защищаемого самими литераторами-старобългаристами мнения был, безусловно, филологический подход к объекту исследования. Отсутствовали труды, которые были бы в состоянии обобщить основные эстетико-философские принципы старобългарской литературы, систематизировать достигнутое до сих пор и таким образом сделать эту литературу более доступной и „современной“, и для литературоведов, не имеющих прямого отношения к палеославистике, и для специалистов — представителей других гуманитарных областей. Памятники находили, описывали, потом прилежно отмечали варианты и разночтения и на этом все и кончалось. Литературоведческий подход уступал место историко-филологическому. Конечно, средневековую болгарскую литературу также анализировали, тематически классифицировали (в основном по функциональному признаку) и периодизировали — над этой задачей работали и работают многие болгарские ученые: Ал. Теодоров-Балан, Л. Милетич, Йорд. Иванов, Е. Георгиев, П. Динев, К. Куев и т. д. Данный тип исследования имеет свое историческое оправдание, ибо ни в коем случае не следует считать, что филологизм (широко понимаемый) препятствовал современному эстетическому и литературоведческому переосмыслению старобългарской литературы. Просто должен был завершиться длительный период нахождения и описания памятников, а также их систематизации.

После второй мировой войны положение коренно изменилось¹. Открытие мно-

гих новых памятников дало осязаемый толчок исследованиям, богатый материал объективно направил внимание ученых к эстетике средневековой болгарской литературы и культуры. Но, к сожалению, это лишь одна из сторон проблемы. К сожалению, ибо необходимо признать факт известного отставания болгарской литературно-исторической науки в методологическом отношении — на фоне развития мировой гуманистической мысли.

В конце двадцатых годов XX века начали появляться значительные труды по средневековой истории, культуре и эстетике, которые в новом свете показали прошлое Европы; множество монографий, появляющихся уже свыше 50 лет², определило современное видение Средневековья, его роль естественного звена в цепи европейской культурной истории. Противопоставление средних веков Ренессансу уступило место признанию естественного перехода между ними. Болгарской науке было необходимо порвать в конце концов с постромантическим пониманием средних веков как „темного“ времени „мракобесия“ и правильно оценить место этой культуры в духовной истории человечества.

В 1967 году появилась книга Д. С. Лихачева „Поэтика древнерусской литературы“, претерпевшая до сих пор уже три

¹ К. Куев. Доклад пред II Международен колоквиум по старобългаристика. См. Р. Златанова. Второй международный колоквиум по палеобългаристике. — Старобългаристика. V, (1981), 1, с. 108—117.

² Не желая обременять рецензию многочисленными подстрочными замечаниями, цитирую лишь популярную у нас книгу А. Я. Гуревича. Категории средневековой культуры. М., 1972.

издания³. Это великолепное исследование исторической поэтики оказало значительное влияние на болгарских ученых и явилось одним из факторов, способствовавших преодолению историко-филологического подхода. Хотя часто этот труд цитировали к месту и не к месту некоторые „современно“ мыслящие палеоболгаристы, которым легче было писать „под сенью“ могущественного авторитета, чем самим попробовать раскрыть некоторые специфические особенности староболгарской литературы. Парадокс в том, что независимо от самостоятельной ценности книги советского ученого для развития нашей науки, она препятствовала появлению подобной книги в Болгарии. Авторитет Д. С. Лихачева как-будто тяготел над болгарскими учеными, своеобразная „открытость“ книги оставалась непонятной, забывали о том, что подобная монография по исторической поэтике всегда способствует рассмотрению ряда проблем и закономерностей со стороны предшественников других научных традиций (изучающих сходный, но все-таки разный тип литературы)⁴. Сам автор „Поэтики...“ изрично указывает в предисловии к третьему изданию: „С момента выхода первого издания и статей, предшествовавших этому изданию, в которых уже в какой-то мере отражалось содержание будущей книги, появились исследования по поэтике средневековых литератур. Это в первую очередь работа П. Зумфора (Essai de poétique médiévale, Paris, 1972), затем С. С. Аверинцева „Поэтика ранневизантийской литературы (М., 1977) и В. В. Бычкова „Византийская эстетика. Теоретические проблемы“ (М., 1977)... Но каждая из этих работ своеобразна по подходу к проблеме, по идеям, по цельности и законченности своих взглядов на средневековые литературы... Познакомившись со всеми этими книгами читатель убедится, сколь обширна, неиссякаемо разнообразна и богата сама тема поэтики средневековых литератур“⁵. Т.е. каждая новая монография имеет право существования, ее ни в коем случае нельзя было рассматривать как проявление научного резонерства; всегда остается множе-

³ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Издание третье дополненное. М., 1979.

⁴ Показательна в этом смысле начатая в 1969 г. на страницах журнала „Литературная мысль“ (XIII, № 1, с. 3—38) дискуссия вокруг статьи Д. С. Лихачева. Старославянские литературы как система. Показательна именно потому, что она закончилась, так и не дав ответа на вопрос, в чем различие и где общность в средневековых славянских литературах восточноправославного культурного ареала

⁵ Д. С. Лихачев. Поэтика..., с.3.

ство неразработанных вопросов не по силам отдельного автора. Другое дело уровень исследования — т.е. вопрос о равноценности подобного труда, изданного в Болгарии, но об этом речь ниже.

Данные замечания об общем состоянии нашей литературной староболгаристики можно свести к утверждению, что в области палеославистики, в области с определенными традициями у нас, наблюдается известное теоретико-методологическое отставание. Но мы руководствуемся не желанием снова подчеркнуть тот общеизвестный факт, что еще многого надо бы желать, а скорее целью обрисовать ситуацию, в которой появилась книга Кр. Станчева „Поэтика на старобългарската литература“. Данная монография в очень большой степени преодолевает указанные недостатки, автор сумел превзойти предыдущие исследования и, не покушаясь на исчерпательность, внести свой вклад как в культурно-историческое, так и в формально-поэтическое изучение средневековой болгарской литературы (а, может быть, и средневековых литератур вообще?).

В „Поэтика старобългарской литературы“ отчетливо выделяются два взаимодействующие уровня — формально-поэтический анализ староболгарских текстов постоянно поясняется общей философско-поэтической концепцией двухслойной структуры художественного образа, сформулированной автором. Так как она имеет исключительно важное значение для правильного понимания книги, попытаюсь в конспективной форме изложить некоторые ее основные моменты, потому что без общего для всего византийско-славянского православного ареала понимания образа как отражения трансцендентного божества, невозможно уловить общий для структуры всех текстов христианско-мифологический пласт (характерный как для византийских, так и для древнерусских и староболгарских произведений). Исходя из позднеллинистической и раннехристианской традиции, Кр. Станчев объясняет развитие византийско-славянской идеи образного познания. У ее основания лежит христианский неоплатонизм Псевдо-Дионисия Ареопагита. Для всей средневековой философии основным заданием было познание трансцендентного бога (в данном месте необходимо отметить, что эстетические вопросы, относящиеся к средневековому искусству, имплицитно присутствуют в богословских текстах, так как мышление в эстетических категориях начало обособляться едва в эпоху ренессансового гуманизма). Но бог принципиально непознаваем, возможно лишь познание его отражений в реальных вещах. Псевдо-Дионисий диалектически развивает эту платоническую идею, чтобы охватить и образное познание, являющееся наиболее прямым

путем человека к трансцендентному. Видимые предметы лишь его образы, в образах одновременно содержится первообраз (бог) и они одновременно относительны, ибо полное познание неземного невозможно (с. 17)⁶. Относительность воздействия дает основание говорить о многозначности образа (его семантика символична и усложнена тем фактом, что ее понимание опосредовано восприятием реального мира).

В соответствии с концепцией Псевдо-Дионисия Ареопагита образы делятся на два типа — *подобные* и *неподобные* (с. 18), которые сущностно-диалектически связаны — „образ не может быть подобен первообразу „по сущности“, а лишь „по существу, по лицу“, т. е. он является „неподражаемым подражанием“ (с. 19). Неоплатоники уделяют особое внимание неподобным образам, и поэтому апофатический принцип (познания божества посредством того, чем оно не является) особенно широко распространен в ранне-христианском богословии. Псевдо-Дионисиево диалектическое восприятие образа очень существенно для объяснения средневековой эстетики — восприятие видимой, понятной стороны образа не исчерпывает его содержания, а лишь направляет сознание к невидимому, трансцендентному.

Другим основным моментом православно-христианской философии является отношение единства и многообразия. Единный бог частично познаваем в множестве проявлений, т. е. „множество изображений одного и того же объекта в различной степени и различным образом создают его единный образ“ (с. 20). Наслоение множества одиотипных образов также может создать приблизительное представление о первообразе. Необходимо подчеркнуть, что в Ареопагитиках художественному образу уделено очень много места, он занимает высшую ступень в иерархии природных вещей, высшее, невещественное место в иерархии занято „вещественными изображениями“ (с. 21).

В обобщении концепция образа (resp. художественного образа) Псевдо-Дионисия выглядит следующим образом в интерпретации Кр. Станчева: „Конечной целью человеческого познания является невидимый и неизобразимый мир божества, чье неподражаемое подражание совершается в единстве множества подобных и неподобных образов, какими являются видимые предметы (природные и созданные человеком), причем в своем реальном функционировании подобные и неподобные образы проникают друг в друга“ (с. 20—21).

⁶ Все указания в скобках относятся к рецензируемой книге Кр. Станчева. Поетика на старобългарската литература. С., 1982.

Основываясь на данных наблюдениях, автор формулирует два решающие для структуры художественного образа в старобългарской литературе принципы, без правильного понимания которых восприятие книги становится невозможным — принцип двойного отражения и принцип отождествления; эти два принципа в своей совокупности в значительной степени определяют двухслойную структуру образа. Средневековая литература строит художественный образ на основе христианской мифологии, которая со своей стороны является стихийным художественным осмыслением действительности; т. е. отражение действительности в искусстве вдвойне опосредовано и движется по линии действительности — миф — художественный образ. Таким образом литература становится отражением отражения (христианской мифологии). Как принцип двойного отражения, так и принцип отождествления ведет свое начало с учения Псевдо-Дионисия, точнее с его части о множестве образов, чье наслоение друг на друга приводит к частичному объяснению трансцендентного божества. В средневековой литературе (главным образом в агиографическом жанре) множество произведений повторяет основные моменты жизни Иисуса Христа, святые обязательно соотносены к определенному периоду жизни богочеловека: апостолы к просвещению и крещению народов, мученики к страданиям и смерти на кресте, отшельники к борьбе с дьявольскими искушениями в пустыне (с. 27). Герси житий являются вариантами инварианта, индивидуальность образов значима постольку, поскольку она объясняет бога. Указанные два принципа старобългарской литературы в значительной степени объясняют структуру художественного образа. Изображение объекта (первообраза, бога) осуществляется двумя системами знаков: христианско-мифологическими символами и системой художественных знаков, каковой является средневековое искусство — т. е., художественный знак отличается *двухслойной* структурой. Обе системы — художественная и мифологическая проникают друг в друга, причем литература в соответствии с требованиями средневековой эстетической иерархии занимает зависимое положение в отношении мифологии.

Эти обширные заметки необходимы для правильного понимания авторовой методологической концепции — ощущения постоянного взаимного проникновения отдельных уровней — формально-поэтического и философски-эстетического. Независимо от того, о чем идет речь в последующем изложении: о норме и этикете, о композиции, о фабуле и сюжете, или о ритмике оба основные принципа раскрытия двухслойной структуры художественного образа

постоянно присутствуют в тексте. При рассмотрении отношения „текст автора — библейская цитата“ Кр. Станчев изрично подчеркивает, что „цитирование не только прием, а принцип средневекового словесного творчества, принцип конструирования текста, построения его композиционных элементов, принцип, посредством которого на уровне композиции осуществляется двухслойная структура художественного изображения...“ (с. 75). Скрытая или названная цитата из Библии всегда исполняет функцию истинного слова божия, текст автора является лишь попыткой подтвердить непереходную, неподлежащую комментарию истинность цитаты.

Можно привести еще много примеров из книги, но это лишь обременило бы рецензию, исследование является подходящим поводом для наблюдений над современной староболгарстикой, как и над всем нашим литературоведением. Интересные открытия Кр. Станчева в области исторической поэтики еще раз подтверждают „открытость“ этой части современного литературоведения, показывают как монография, направленная на одну основную проблему, занимает подходящее ей место среди подобных исследований. В этом смысле заглавие „Поэтика староболгарской литературы“ спокойно можно было бы заменить „Поэтикой построения художественного образа в староболгарской литературе“.

Момент раскрытия двухслойной структуры художественного образа является действительно основным для монографии, но в ней имплицитно присутствует также момент общего культурно-исторического значения, новаторский в целом перосмыслении нашего культурного наследия. Речь идет о констатации факта образования на базе средневекового искусства единой византо-славянской культурной общности. Подобные исследования уже появлялись⁷, но они занимались данными проблемами с птичьего полета, что преодолено в „Поэтике староболгарской литературы“, где наличие общности доказывается богатым текстовым материалом и, что важнее, без авторского намерения сосредоточиться именно на данном вопросе. Таким образом рассуждения об общеполитическом основании православного христианства особенно важны — учение Псевдо-Дионисия Ареопагита было воспринято всеми славянскими некаатолическими странами, поэтому закономерности в развитии отдельных славян-

ских литератур находятся в непосредственной зависимости и одновременно являются равноценными закономерностями в развитии византийской литературы (конечно, отсутствие традиции в развитии средневековых славянских литератур сказалось на масштабах данного явления). В книге Кр. Станчева приведены четыре доказательства на существование единого византо-славянского культурного ареала:

1. Принятие общеполитического части учения Псевдо-Дионисия Ареопагита. На базе обширного материала доказано, что существует общее понимание художественного образа, как в византийской, так и в староболгарской литературе; эстетическое восприятие является общим для Византии и славянских стран.

2. Единый христианско-мифологический пласт в византийской и в славянских литературах. Эта идея следует из предыдущей и является очень существенной, если принять во внимание высказанное несколько лет тому назад Д. С. Лихачевым⁸ утверждение о наднациональной литературе-посреднике. Кр. Станчев правильно указывает на то, что в IX—XVIII вв. трудно говорить о наднациональной литературе и обособливает в структуре художественного произведения пласт-посредник, общий для всех средневековых литератур. Таким пластом является мифологический пласт символов. Ибо говоря о наднациональной литературе-посреднике, мы принуждены признать и национальное своеобразие литературы там, где еще не сформированы нации (с. 30).

3. Автор находит общие черты и в ритмике византийских и староболгарских поэтических произведений, т. е. можно доискиваться общности на структурно-текстуальном уровне (вся IV глава „Ритм и слово в староболгарской поэзии и ораторской прозе“ (с. 144—180)).

4. Идея византо-славянской общности доказана и культурно-историческими фактами — известно влияние неоплатонизма на формирование мировоззрения Константина-Кирилла, как и отражение идей Псевдо-Дионисия на „Шестоднев“ Иоанна Экзарха⁹.

Это почти имплицитное присутствие идеи византо-славянской литературной общности придает исследованию особую значимость. Решение болгарской средневековой данной проблемы приведет к более правильному пониманию структуры художественного произведения Средневековья

⁷ О терминах *Slavia romana* и *Slavia orthodoxa* см. R. P i s c h i o. Principles of Comparative Slavic-Romance Literary History. — American Contributions to the Eighth International Congress of Slavists. Vol. II, Literature. Ed. by V. Terras, 1978, p. 630—644.

⁸ Д. С. Л и х а ч о в. Старославянские литературы като система. — Лит. мисль, XIII, № 1, с. 3—38.

⁹ И о а н Е к з а р х. Шестоднев. С., 1981.

и значения болгарской литературы для остального славянского мира¹⁰.

Кр. Станчев сумел переосмыслить достигнутое в философском изучении средневековых литератур, его книгу ни в коем случае нельзя рассматривать как резонерство „Поэтики древнерусской литературы“, например. Когда он заводит речь о временно-пространственных отношениях в агиографических произведениях (с. 87—102), он неизбежно использует сочинения Д. С. Лихачева, А. Я. Гуревича, М. Ю. Бахтина, но применяя собственную модель художественного образа к уже утвержденным концепциям (в данном случае к хронотопу Бахтина). Безусловно, каждый автор имеет право цитировать каких угодно ученых, лишь бы они подтверждали его тезис. Чужой авторитет ни в коем случае не должен быть гнетущим фактором, соизмерение с крупнейшими именами в литературоведении происходит на основании собственной продукции — хороша она или плоха, и ни в коем случае не неизбежно, чтобы она была плохим повторением авторитета. Тот факт, что древнерусская и староболгарская литература схожи совсем не означает, что „Поэтика староболгарской литературы“ должна быть плохим повторением блестящей советской монографии.

Недостатки „Поэтики староболгарской литературы“ скрыты в общем состоянии литературной науки (в частности, палеославистики) у нас. Отсутствие отечественной теоретико-методологической традиции принуждает автора соотноситься с чужими школами и направлениями в современном литературоведении. В области исторической поэтики и эстетики Средневековья исследования почти отсутствуют (даже если они есть, им чужд дух обобщения, а именно он присутствует в книге Кр. Станчева). Общеизвестно, что яркие произведения не только художественной, но и научной литературы появляются только на основе прошлого опыта. Научная информация, конечно, сегодня более, чем когда-либо заставляет нас считаться с достижениями других стран, наука становится все более наднациональной и этот процесс будет безусловно все более углубляться. Но приня-

тие чужих достижений должно происходить на основе выработанной нации национальной научной традиции, которой у нас, к сожалению, в области теоретических дисциплин нет. Потому что, если благодаря труду ученых, которые занимались и занимаются филологическим изучением средневековых текстов, Кр. Станчев имел возможность использовать все, чего достигла наша палеославистика до сих пор, то его же нельзя сказать о теоретико-методологической стороне исследования.

Автор воспользовался достижениями некоторых современных (для 70-х годов) литературоведческих школ и направлений, вращаясь в рамках одной определенной традиции: структурно-семиотического подхода Ю. Лотмана, с одной стороны, и культурно-философского направления С. С. Аверинцева, А. Ф. Лосева, Д. С. Лихачева и т. д., с другой. Объединение этих двух точек зрения и творческое использование советской литературоведческой традиции само по себе было бы положительно, если бы время от времени не проводило к механическому совмещению обоих подходов. Местами автор принужден ссылаться на основополагающих ученых лишь опосредованно (см. ссылку на Фреге — с. 22); именно потому, что отсутствует традиция, которая познакомила бы болгарских читателей с их трудами до этого. Той же причиной вызвана и известная дидактичность изложения.

Это, конечно, не упрек Кр. Станчеву, а скорее всему нашему литературоведению. Потому что рассматриваемая книга (благодаря своему теоретическому характеру) позволяет дискутировать о состоянии нашей современной науки. Неужели „модные“ ученые, занимающиеся современной болгарской литературой, не цитируют рядом безразборно Мукаржовского и Бахтина, Аверинцева и Леви-Стросса, Бояна Пенева и Р. Ингардена? Быстрое компенсирование отставания и равнение на современную науку, увы, невозможны лишь на основании многочисленных ссылок — так все было бы очень просто, — а на основании создания собственной литературоведческой школы. Таким образом, даже в этом смысле, Кр. Станчев является новатором — он попытался воспринять лишь то, что содержится в рамках одной единственной традиции. Автор прекрасно осознал, что староболгарская литература со своей нормативностью исключительно успешно поддается структурно-семиотическому анализу. Сочетание историко-культурной и общепhilosophической тенденций превращает монографию в исследование с пионерским значением для болгарской палеоболгаристики.

¹⁰ Если вновь обратиться к двухлетней дискуссии на страницах „Литературна мисъл“ (1969—1970), можно отметить, что все участники с болгарской стороны почти единодушно не были согласны с рассмотрением староболгарской литературы как „ретранслятора“ византийских произведений в Россию. Новый подход автоматически снимает данную проблему на структурном уровне.